

**Краткий Очерк
Симбирской
Чувашской учительской
школы**

(По случаю сорокалетия, 1868-1908 гг.)

Симбирск, 1908.

✓

КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ

СИМБИРСКОЙ

ЧУВАШСКОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ

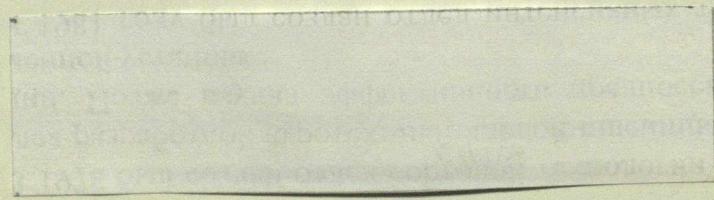
ШКОЛЫ.

(По случаю сорокалѣтія, 1868—1908 гг.).

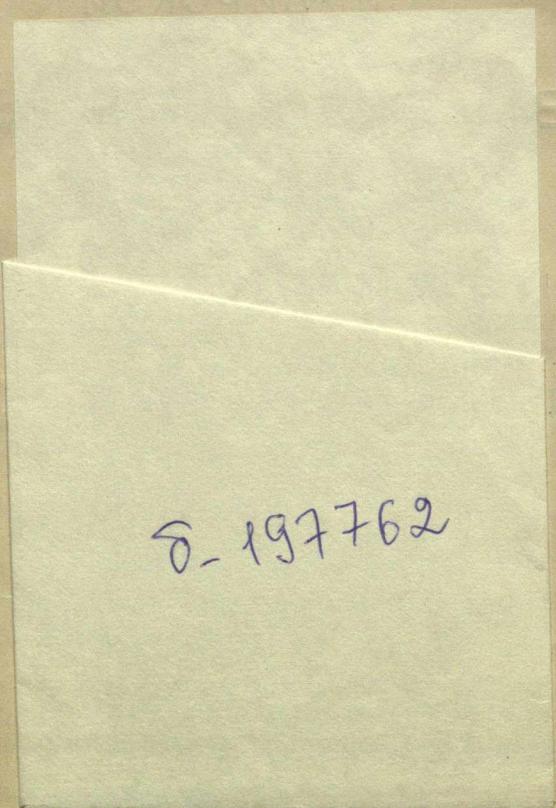
5-197762

Q

СИМБИРСКЪ.
Губернская Типографія.
1908.

Кк
5428

8-197762

37
K78

Чувашская школа въ Симбирскѣ возникла осенью 1868 года, когда я учился въ шестомъ классѣ Симбирской классической гимназіи, взявъ къ себѣ трехъ мальчиковъ чувашъ и сталъ заниматься съ ними самъ и мои товарищи Панаевъ и Соколовъ, — давно уже покойные. Я самъ вышелъ изъ крестьянской семьи и для того, чтобы поступить въ гимназію, прослужилъ нѣсколько лѣтъ удѣльнымъ мѣрщикомъ, на собственномъ трудномъ опытѣ слишкомъ хорошо зная цѣну образования и трудность путей, ведущихъ къ нимъ крестьянина. Отсюда и родилось у меня естественное желаніе помочь, чѣмъ можно, своимъ соплеменникамъ чувашамъ.

Пониманіе вѣрныхъ задачъ и пріемовъ инородческаго образования далось не сразу, вначалѣ хотѣлось просто провести черезъ русскую школу сколько возможно мальчиковъ-чувашъ и только. Но окончивъ въ 1870 году курсъ въ Симбирской гимназіи, я поступилъ въ Казанскій университетъ и скоро встрѣтился тамъ съ Н. И. Ильминскимъ, тогда всецѣло ушедшимъ въ свое просвѣтительное дѣло. Н. И. былъ несравненнымъ собесѣдникомъ. Его рѣчь всегда была исполнена наблюдательности, юмора, необычайной ясности и силы мысли, того, что называютъ вдохновеніемъ, увлекала и захватывала собесѣдника. Цѣлыя ночи иногда проходили въ бесѣдахъ объ инородческомъ дѣлѣ, о его нуждахъ, перспективахъ, объ отдѣльныхъ эпизодахъ начинавшаго тогда слагаться большого дѣла, незамѣтно и для самого Н. И. и для его посѣтителя. Подъ влия-

ніемъ этихъ бесѣдъ и опредѣлились взгляды мои. Когда, по окончаніи курса въ Университетѣ, я вернулся въ Симбирскъ завѣдывать основанной мною за 7 лѣтъ передъ тѣмъ маленькой школой, уже въ качествѣ окружного инспектора чувашскихъ школъ (сношепіе съ ней были непрерывными и во время моего студенчества) я былъ убѣжденнымъ сторонникомъ взглядовъ Н. И. Ильминскаго. За истекшія 5 лѣтъ моего пребыванія въ Университетѣ маленькая школа, завязавшаяся въ комнатѣ гимназиста, успѣла окрѣпнуть: она съ первыхъ же своихъ шаговъ встрѣтила поддержку и со стороны мѣстнаго земства и со стороны Казанскаго учебнаго округа и понемногу превратилась въ учрежденіе. Правда, средства ея были очень не велики и не превышали въ 1875—6 году 1000 рублей.

Въ основу дальнѣйшаго развитія школьной жизни и дѣятельности были положены слѣдующія руководящія идеи. Основная идея—идея христіанскаго просвѣщенія инородцевъ свѣтомъ Евангелія. Эта задача была требованіемъ совѣсти и сердца руководителя Школы и требованіемъ самой жизни. Подъ напоромъ новыхъ условій въ послѣдней четверти XIX вѣка старыя языческія вѣрованія инородцевъ начали быстро и безповоротно отмирать. На смѣну имъ неизбѣжно должны были явиться болѣе высокія формы религіознаго сознанія. Вопросомъ дня сдѣлался переходъ инородцевъ-язычниковъ къ монотеизму. Жизнь ставила дѣло такъ, что магометанское вліяніе начинало преобладать надъ христіанскимъ православнымъ.

Идея просвѣщенія инородцевъ свѣтомъ Евангелія и сдѣлалась нервомъ всей дѣятельности Симбирской чувашской учительской школы. Основатель ея вѣрилъ, что тысячелѣтнее древо христіанской церкви дастъ но-

вые побѣги, и подъ сѣнью его могучихъ вѣтвей укроется много ищущихъ убѣжища птенцовъ.

Пути развитія инородцевъ должны направляться къ усвоенію христіанскихъ идеаловъ—вотъ идея, положенная въ основу развитія Симбирской чувашской школы.

Другой идеей была идея сближенія и объединенія ихъ съ русскимъ народомъ. Никакой самостоятельной политической роли нашимъ восточнымъ инородцамъ играть не суждено, никакого самобытнаго и національнаго развитія имъ искать не слѣдуетъ, и не надо толкать ихъ въ этомъ направленіи. Ни историческія, ни культурныя, ни географическія условія не даютъ имъ никакихъ поводовъ мечтать о подобной самобытности.

Наши восточные инородцы, вкрапленные между русскимъ населеніемъ, должны быть покорнымъ историческимъ спутникомъ русскаго народа. Какъ огромное міровое тѣло, русскій народъ движется по своей исторической орбитѣ, увлекая за собою рядъ этихъ болѣе мелкихъ тѣлъ. Горе и радости русскаго народа—ихъ горе и радости, его будущее—ихъ будущее, его счастье—ихъ счастье, «національная» идея развитія инородцевъ есть идея ихъ духовнаго объединенія и слиянія съ русскимъ народомъ. Сблизить инородцевъ съ русскимъ народомъ, объединить ихъ съ нимъ въ христіанскомъ міросозерцаніи, въ культурномъ и бытовомъ обликѣ, до котораго имъ еще такъ далеко,—вотъ вторая руководящая идея, положенная въ основу развитія Симбирской школы и всей моей дѣятельности. Въ этомъ направленіи должна работать церковь и инородческая школа. При этомъ, та и другая должны пользоваться понятнымъ для чувашъ роднымъ имъ языкомъ. Только при помощи роднаго языка можно

съ успѣхомъ перевоспитать, пересоздать старыя понятія, дѣлать къ нимъ новыя прививки и вводить въ нихъ новые элементы.

Родной языкъ въ школьномъ обученіи, родной языкъ за богослуженіемъ, Евангеліе на родномъ языкѣ, доступное пониманію всякаго чувашенина, учитель и священникъ изъ природныхъ мѣстныхъ инородцевъ, изъ крестьянской среды, близкіе по духу, языку и быту къ окружающему населенію—вотъ тѣ средства, при помощи которыхъ надо было итти къ намѣченному цѣлямъ.—Родной языкъ въ церкви и школѣ—та третья идея, которая направляла развитіе Симбирской школы.

Начиная съ 1875 года Симбирская чувашская школа пріобрѣтаетъ значеніе и характеръ учительской семинаріи, призванной удовлетворять нужды сельскихъ чувашскихъ школъ въ преподавательскихъ силахъ и нужды чувашскихъ приходоѡвъ въ инородческихъ священникахъ. Начиная съ 1878 года къ мужской школѣ присоединяется женское училище съ нѣсколькими десятками чувашскихъ дѣвушекъ, будущихъ учительницъ въ чувашскихъ деревняхъ. Общее число учащихся, начиная съ 80-хъ годовъ, превышаетъ 100 человекъ и, постепенно повышаясь, къ 1900 году доходитъ до 300 человекъ. Программа школьнаго преподаванія была однородна съ обычной программой учительскихъ семинарій. Богослуженіе и молитвы совершались въ школѣ, большею частью, на чувашскомъ языкѣ, но все обученіе происходило по-русски. Родной языкъ для нуждъ преподаванія примѣнялся только въ сельскихъ школахъ, а въ Симбирскую школу поступали лучшіе ученики сельскихъ школъ уже по окончаніи въ нихъ курса.

Послѣ Закона Божія и знакомства съ церковностью, главное вниманіе обращалось на русскій языкъ, на развитіе способности излагать на русскомъ языкѣ мысли. И къ концу шестилѣтняго курса въ Симбирской школѣ ея ученики вполне овладѣвали русской рѣчью. Въ послѣдніе два года усиленное вниманіе удѣлялось изученію логики, на ряду съ упражненіями въ писаніи сочиненій и рѣшенію логическихъ задачъ. Много вниманія удѣлялось обученію скрипичной игрѣ и пѣнію, чтѣ при музыкальныхъ склонностяхъ чувашъ шло успѣшно. Музыка и пѣніе являлись могучими средствами воздѣйствія на населеніе въ христіанскомъ воспитательномъ духѣ. Далѣе, предметами вниманія были: исторія, математика, физика, химія, ботаника и зоологія. Съ 1893 года, когда Школѣ на время была отдана Симбирская ферма сельскаго хозяйства, въ курсъ преподаванія теоретическаго и практическаго было введено сельское хозяйство. Послѣ уроковъ въ школѣ ученики посмѣнно должны были работать въ учебной столярной мастерской—все за 4 года обученія въ мастерской научались владѣть инструментами и многіе достигали значительнаго искусства въ токарномъ и столярномъ ремеслахъ.

Денежныя средства Школы были всегда очень незначительны. Первые два года (до 1871 года) Школа существовала на средства, зарабатываемыя мною уроками. Съ 1871 года на помощь пришло Министерство Народнаго Просвѣщенія въ размѣрѣ отъ 180—300 руб. въ годъ, съ 1879 года это ассигнованіе увеличилось до 3050 руб. въ годъ, а съ 1890 года, когда Школа была уравнена въ правахъ съ учительскими семинаріями и переименована изъ центральной въ учительскую, въ размѣрѣ 10000 руб. въ годъ.

Скромныя средства Школы и чрезвычайно острая

потребность въ дальнѣйшемъ развитіи и расширеніи дѣла въ связи со спеціальной задачей Школы готовить сельскихъ учителей и священниковъ, воспитывая для этого своихъ питомцевъ возможно ближе къ народному быту, заставляли быть особенно обдуманнѣмъ въ устройствѣ матеріальной обстановки. Основнымъ правиломъ была бережливость и простота. Задачей учрежденія было гарантировать своимъ воспитанникамъ возможно здоровыя, но наиболѣе простыя условія. Обучающимся въ ней ученикамъ Школа обезпечивала сухое, теплое и свѣтлое помѣщеніе, чистоту и опрятность, простую и здоровую пищу, но въ школьный обиходъ не вводилось ничего, что было неизвѣстно въ быту зажиточнаго крестьянскаго семейства. По утрамъ въ 7 часовъ, воспитанники получали горячій завтракъ (супъ или похлебку), въ 1¹/₂ ч. обѣдъ изъ двухъ блюдъ (первое—горячее, второе по буднямъ—каша, по праздникамъ—мясо или рыба), то же самое, что на обѣдъ, полагалось и на ужинъ въ 8 час. вечера. Хлѣбъ полагался только чернѣй, своего печенья, безъ ограниченія количества, такъ же, какъ и простой деревенскій квасъ. Въ Школѣ не полагалось чая (за исключеніемъ Пасхи), не полагалось казеннаго бѣлаго хлѣба: то и другое доселѣ даже въ быту зажиточной русской семьи, не говоря, конечно, о чувашахъ, разсматривается какъ большое лакомство. Да и едвали чай можетъ быть признанъ особенно желательнымъ съ точки зрѣнія гигиены. Школа считала вреднымъ приучать учениковъ къ обиходу, недоступному для нихъ въ ихъ домашнемъ быту. Ученики младшихъ классовъ спали на нарахъ или даже на полу на войлочныхъ подстилкахъ, такъ какъ на приобрѣтеніе кроватей у школы долгое время средствъ не было. Конечно, полъ былъ совершенно теплымъ и чистымъ. Для дѣтей, выросшихъ въ курныхъ чуваш-

скихъ избахъ съ грязнымъ поломъ, не могло казаться лишеніемъ спать на войлокѣ на полу въ теплой, сухой и просторной комнатѣ. Очень незначительная заболѣваемость и смертность учениковъ въ Школѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что бытъ Школы хорошо влиялъ на здоровье учениковъ. Одѣвать воспитанниковъ Школа на свой счетъ не могла. На полное содержаніе воспитанника въ теченіе учебнаго года она расходовала въ первый періодъ отъ 30 до 40 руб., во второй отъ 50 до 65 руб. Воспитанники, обучаясь въ ней, носили то крестьянское платье, которое было доступно по ихъ достатку. Лапти, валенки, кафтаны, полушубки даже въ учебные часы были обыкновеннымъ костюмомъ.

Для своихъ хозяйственныхъ надобностей Школа нуждалась въ рабочихъ рукахъ и въ свободное отъ занятій время воспитанники и воспитанницы обслуживали нѣкоторыя школьныя нужды, крестьянской «помочью», таскали дрова, рубили кауусту, ухаживали за садомъ и огородомъ, изготовляли въ школьной столярной мастерской парты, классныя доски, шкапы и т. д. Физическій трудъ былъ обязателенъ, какъ потому, что Школѣ были нужны рабочія руки, такъ и потому, что онъ былъ необходимымъ для юноши, только что оторваннаго отъ среды, гдѣ вся жизнь построена на физической работѣ и выносливости. Да и странно было бы нанимать для переноски дровъ, или уборки сада, напр., рабочихъ, когда въ Школѣ было болѣе сотни здоровыхъ деревенскихъ юношей въ возрастѣ 14—22 л.

Въ Школѣ не было отмытокъ ни за отвѣты въ году, ни за поведеніе, не было кондуитныхъ журналовъ, карцеровъ, оставленія безъ обѣда и т. д. Дисциплина поддерживалась всемъ духомъ учебнаго заведенія, серьезнымъ и дѣловымъ отношеніемъ къ школьной жизни, какъ учащихъ, такъ и самихъ учащихся

Наказаній не было никакихъ. Единственной мѣрой наказанія было увольненіе изъ Школы, примѣнявшееся, когда ученикъ почему-либо становился нетерпимъ въ Школѣ, — случаи сравнительно рѣдкіе, — или когда ученикъ оказывался малоспособнымъ и не успѣвалъ за товарищами. При скудости средствъ, чрезвычайной потребности населенія въ новыхъ преподавательскихъ силахъ приходилось дорожить каждымъ мѣстомъ въ Школѣ, отдавая все преимущества элементамъ способнымъ и трудолюбивымъ. Обычно въ Школу принималось нѣсколько десятковъ учениковъ сверхъ комплекта и уже затѣмъ, къ концу года, производился отборъ способныхъ.

Характерной чертой школьнаго быта являлась доступность школы для прїѣзжающихъ въ нее родителей учениковъ. Они останавливались со своими развѣсками или телѣгами на большомъ школьномъ дворѣ, ночевали гдѣ нибудь въ помѣщеніи Школы, въ кухнѣ или корридорѣ, проходили во внѣучебное время въ классы и могли свободно наблюдать, какъ живутъ и учатся ихъ дѣти. Безъ препятствій и докладовъ могли они приходиться ко мнѣ, чтобы посовѣтоваться, спросить и т. д.

Такъ слагалось и упрочивалось то довѣріе, которымъ Симбирская чувашская школа пользуется среди всего чувашскаго населенія.

Развитіе инородческаго дѣла и Симбирской школы совершалось въ извѣстной общественной средѣ, которая разнымъ образомъ реагировала на него. Дѣло это было настолько простое и понятное, его значеніе было такъ очевидно, построено оно было на такихъ мирныхъ началахъ, что трудно было отнестись къ нему иначе, чѣмъ доброжелательно. И дѣйствительно Школа вызвала къ себѣ много симпатій. Съ самыхъ первыхъ

шаговъ своихъ она встрѣтила очень благожелательное отношеніе и со стороны учреждений и со стороны частныхъ лицъ. Земства Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Уфимской губерній учредили при ней нѣсколько десятковъ стипендій. Православное Мисіонерское Общество съ великодушной и щедрой готовностью поддерживаетъ не одинъ десятокъ лѣтъ значительной субсидіей (до 3300 руб.) женское училище при чувашской школѣ, Симбирское Общество Сельскаго Хозяйства на 12 лѣтъ предоставило свою ферму для обученія учениковъ Школы сельскому хозяйству (ферма была возвращена обществу черезъ 4 года, такъ какъ Министерство Земледѣлія открыло на ней низшую сельско-хозяйственную школу 1-го разряда). Удѣльное вѣдомство съ готовностью уступило около 200 десятинъ въ долгосрочную аренду для устройства Школой самостоятельной фермы. Наконецъ нѣкоторые частныя лица поддерживали Школу денежно. Такъ, въ трудныя минуты школьной жизни съ постоянной щедрой готовностью приходилъ Школѣ на помощь ея почетный попечитель Н. Я. Шатовъ. Имъ было, между прочимъ, совершенно перестроена школьная церковь и отдано въ распоряженіе Школы большое усадьбное мѣсто, расположенное рядомъ съ ней.

Въ нынѣшній день Симбирская чувашская школа вступаетъ въ 41-й годъ своего существованія. Работа, въ ней совершенная за истекшія четыре десятилѣтія, значительна. Школа была почти единственнымъ учебнымъ заведеніемъ, возвышавшимся надъ уровнемъ сельскаго училища, посвященнымъ дѣлу миліоннаго чувашскаго населенія. Школа выпустила, въ общей сложности, до тысячи человекъ чувашскихъ учителей, учи-

тельницъ, священниковъ, діаконовъ и псаломщиковъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ грамотныхъ чувашъ надо было считать десятками, теперь-тысячами. Сорокъ лѣтъ тому назадъ дѣлались неувѣренныя попытки справиться съ чувашскимъ алфавитомъ, чтобы передать на чувашскомъ языкѣ самыя элементарныя вещи; теперь переведенъ и среди чувашскаго населенія разошелся въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ Новый Заветъ, имѣется въ переводѣ почти весь кругъ богослужебныхъ книгъ, большая часть Ветхаго Завета, много книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго, историческаго, медицинскаго и естественно-научнаго содержанія. Въ 1868 году не было двухъ правильно поставленныхъ чувашскихъ школъ, теперь такихъ школъ нѣсколько сотъ.

Вся эта работа совершена или подготовлена въ значительной мѣрѣ въ Симбирской чувашской школѣ: ея наставниками и руководителями или вышедшими изъ нея питомцами.

Итакъ инородческое дѣло и жизнь Симбирской чувашской школы развивались на православно-миссіонерскихъ началахъ. Это объясняется, какъ историческими условіями, такъ и убѣжденіями руководителя Школы. Миссіонерская задача, задача просвѣщенія инородцевъ язычниковъ и полуязычниковъ свѣтомъ Евангелія всегда считались главной и основной. Наряду съ этой задачей приходилось разрѣшать и другія, расширять и углублять преподаваніе, вводить новые предметы. Свой религіозно-миссіонерскій характеръ Школа и вообще—инородческое дѣло должно, безъ сомнѣнія, сохранять и впредь, такъ какъ доселѣ далеко не разрѣшены задачи, выдвинутыя на очередь еще въ 60-хъ годахъ. Повальные отпаденія въ исламъ предотвра-

щены, но частичныя въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не удалось устроить проповѣди и богослуженія на родномъ языкѣ, совершаются до послѣдняго времени. Такъ, въ 1906—7 годахъ, въ Сіушевѣ Симбирской губерніи и въ цѣломъ рядѣ другихъ селеній Самарской, Уфимской и Казанской губерній отпали въ магометанство тысячи чувашскаго населенія. Далеко не вездѣ исчезъ и языческій фетишизмъ, моленье священнымъ деревьямъ, языческія жертвоприношенія и т. д., преграждающіе путь всякому развитію. Наконецъ, громадное большинство работниковъ инородческаго дѣла по своему воспитанію и своимъ взглядамъ видятъ въ миссіонерской работѣ свое внутреннее призваніе.

Немало новыхъ задачъ возникаетъ и за предѣлами школьно-миссіонерскаго дѣла. Такъ на очередь стали, на примѣръ, вопросы объ улучшеніи матеріальнаго положенія инородцевъ. Эти и другіе вопросы требуютъ новыхъ людей и притока свѣжей энергіи. То поколѣніе, которому судьба дала случай участвовать въ закладкѣ первыхъ камней инородческаго дѣла, горячо желаетъ успѣха дальнѣйшему росту его въ ширину и глубину мирными и законными путями при помощи нравственно честныхъ средствъ.

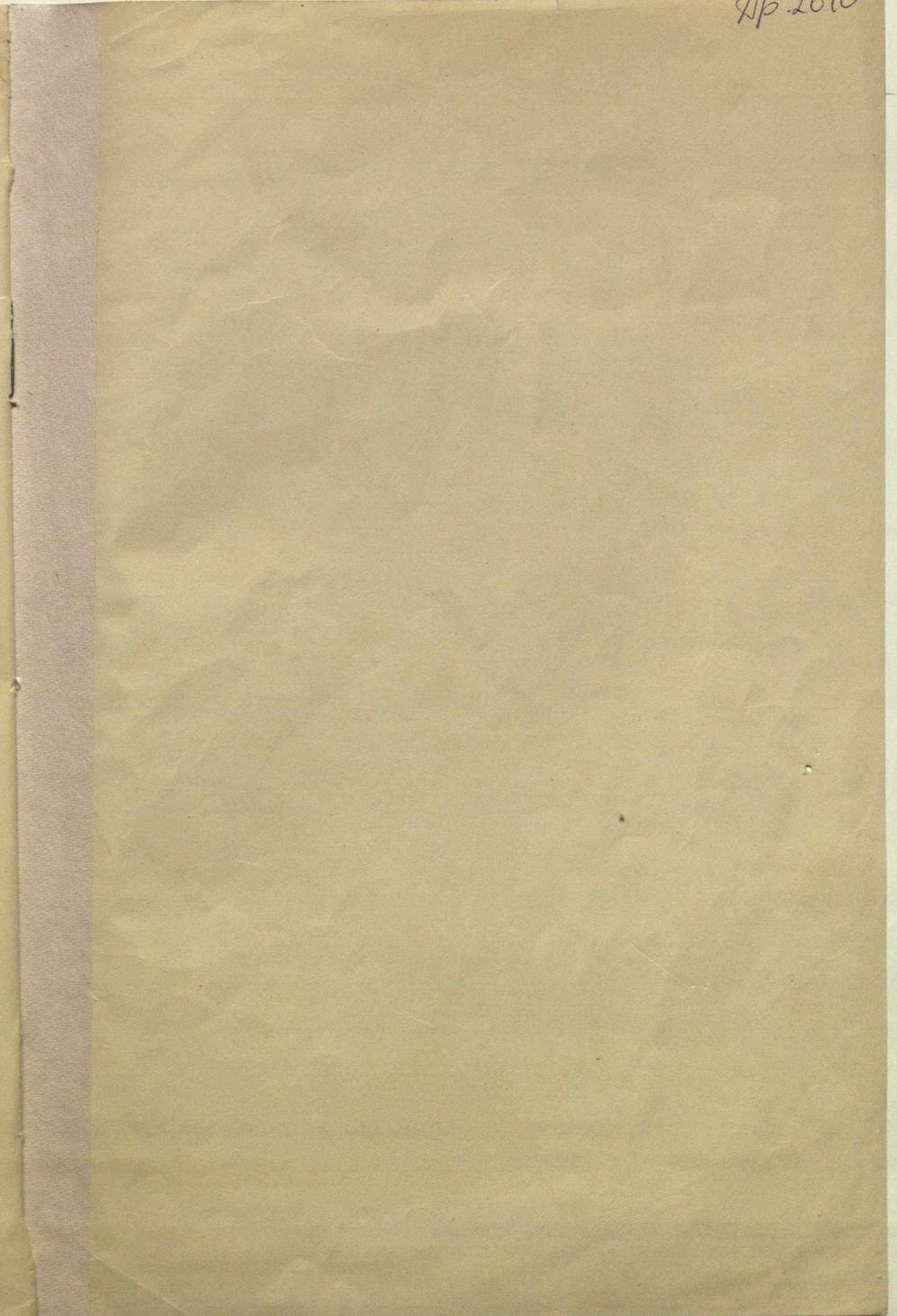
Пожелаемъ-же, чтобы трудясь надъ общимъ дѣломъ на пользу родного народа, инородческіе дѣятели умѣли взаимно понимать другъ друга, уважать чужія убѣжденія и стремиться къ тому, чтобы ихъ усилія были согласованы общимъ желаніемъ добра соплеменникамъ.

Терпимость и уваженіе къ чужому труду—лучшій залогъ успѣха.

И. Яковлевъ.

102. d/8

Faint, illegible text visible through the paper, likely bleed-through from the reverse side. The text appears to be organized into several paragraphs.

1/3

8kr

7

